

Nöldeke T. Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan. Hildesheim, 1974 [Leipzig 1868].

Odisho E.Y. Phonetic and Phonological Description of the Labio-Palatal and Labio-Velar Approximants in Neo-Aramaic // *Studies in Neo-Aramaic* / W. Heinrichs (ed.). Atlanta, 1990.

Polotsky H.J. *Studies in Modern Syriac* // *JSS*, 1961, vol. 6.

Sabar Y. *A Jewish Neo-Aramaic Dictionary. Dialects of Amidya, Dihok, Nerwa and Zakho, Northwestern Iraq.* Wiesbaden, 2002.

Studies in Neo-Aramaic / W. Heinrichs (ed.). Atlanta, 1990.

Stilo D. Iranian as Buffer Zone Between the Universal Typologies of Turkic and Semitic // *Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case Studies from Iranian, Semitic and Turkic* / Éva Ágnes Csató, Bo Isaksson, Carina Jahani (eds.). London, 2004.

Talay Sh. Überblick über die neuaramäischen Dialekte der Assyrer am Khâbûr (Nordostsyrien) // *Mediterranean Language Review*, 1999, vol. 11.

А.К. Лявданский

НОВОМАНДЕЙСКИЙ ЯЗЫК

1.0.0. Арамейский разговорный язык, на котором до недавнего времени говорили представители религиозно-этнической общины мандеев, в научной литературе принято называть новомандейским (далее Н.-м.я.; англ. *Neo-Mandaic*, нем. *das Neumandäische*), или современным мандейским языком (англ. *Modern Mandaic*). В Ираке и Иране мандеев называют *ṣābiʿūn* (разговорная форма *ṣubba*). Среди носителей Н.-м.я. распространен этноним *mandeyāna* (ед. ч. *mandāya* или *mandāyi*) ‘мандей’, от которого произошел лингвоним *mandāyi*. Терминологически различаются также классический мандейский, называемый *genzā* (по названию главной священной книги мандеев “*Genza Rabba*” («Великая сокровищница»), и разговорный мандейский (новомандейский) — *raṭnā* ‘диалект’ (ср. глагол RṬN ‘шептать, бормотать’ в классическом мандейском). Термином *raṭnā* также обозначается язык профанных и магических текстов мандеев, противопоставляемых в традиции классическим священным текстам. О происхождении этнонимов *ṣābiʿūn* и *mandeyāna* см. статью «Классический мандейский язык» в наст. издании.

Оценить число носителей Н.-м.я. на настоящий момент трудно. В Иране по состоянию на 2004 г. проживало от 5 тыс. до 10 тыс. мандеев; в Ираке по состоянию на конец 1990-х — начало 2000-х гг. насчитывалось от 15 тыс. до 23 тыс. мандеев. Общая численность мандеев в мире не превышает 100 тыс. чел. Принято считать, что среди мандеев моложе 50–60 лет нет носителей Н.-м.я. и что Н.-м.я. владеет лишь небольшая часть старшего поколения, предположительно около 500 чел. По сообщению Й. Бакли, последний раз посетившего Иран в 1996 г., там проживали 100–200 носителей Н.-м.я. не моложе 30 лет. В 2003 г. американский семитолог Ч. Хэберль проводил исследования Н.-м.я., работая с четырьмя информантами в возрасте около 70 лет, проживающими в США (шт. Нью-Йорк). По его сообщению, опубликованному в “*Neo-Aramaic Newsletter*” в 2007 г., в г. Сан-Антонио (шт. Техас, США) есть община носителей Н.-м.я., в которой планируется сбор лингвистического материала. Имеются сведения о недавно открытой школе в г. Ахваз (Иран), в которой детям преподают Н.-м.я. Хотя утверждения о полном исчезновении Н.-м.я. на настоящий момент не верны, этого следует ожидать в ближайшие десятилетия. Одна из главных

причин вымирания Н.-м.я. — чрезвычайно низкий престиж этого языка среди самих мандеев, многие из которых считают Н.-м.я. деградировавшей, «неправильной» формой классического мандейского.

Типичным для носителей Н.-м.я. является владение арабским (основной разговорный язык в районах их проживания) и персидским (язык школы и СМИ). Трудно сказать, в какой степени в различные исторические периоды среди мандеев Ирана было распространено знание персидского языка, но, как отмечает Ч. Хэберль, после прихода к власти Реза-шаха Пехлеви в 1925 г. и переименования провинции Арабистан в Хузестан изучение этого языка как государственного языка стало обязательным для всех.

2.0.0. В XIX в. Н.-м.я. был распространен в Иране в небольших городах Северного Хузестана (Шуштар, Шах-Вали, Дизфуль). После 1880 г., когда мандеи в этих городах подверглись религиозным преследованиям, инициированным местными властями, им пришлось переселиться в более крупные города Хузестана — Ахваз и Хорремшехр. В Ираке, как отмечают многие исследователи, автохтонный Н.-м.я. вымер еще до XIX в. Все сведения о Н.-м.я. в Ираке (в том числе письма, опубликованные Ж. де Морганом) связаны с носителями-выходцами из Ирана. В настоящее время наиболее многочисленные общины мандеев живут в Швеции, Австралии и США; после 2003 г. значительное число мандеев из Ирака переселились в Сирию и Иорданию. По сообщениям историков и самих информантов, в последние века мандеи жили в основном в городах, где занимались ремеслами (главным образом ювелирным делом).

3.0.0. Н.-м.я. является представителем восточной подгруппы новоарамейских языков, принадлежащих к северо-западной группе семитских языков. Н.-м.я. генетически напрямую связан с классическим мандейским языком.

4.0.0. Как указывает немецкий исследователь Н.-м.я. Р. Мацух, письменная традиция Н.-м.я. ограничивается колофонами рукописей, составленных на классическом мандейском, и письмами. Большая часть колофонов остается неопубликованной, поэтому в настоящий момент пока ничего нельзя сказать ни об объеме, ни о датировке этого материала. Ж. де Морганом в 1904 г. были опубликованы два письма, составленные на Н.-м. я., а также записанные им фольклорные тексты. Высказывались предположения, что некоторые следы мандейского вернакуляра можно обнаружить в текстах на магических чашах IV–VII вв. н. э. Все тексты, которые по тем или иным критериям могут быть отнесены к Н.-м. я., записаны мандейским алфавитом, используемым для фиксации текстов на классическом мандейском языке (об этом письме см. статью «Классический мандейский язык» в наст. издании).

Согласно Ч. Хэберлю, первые материалы о Н.-м.я. были опубликованы в 1880 г. Николя Сиуффи, французским дипломатом сирийского происхождения. Находясь на службе в Мосуле, он познакомился с мандеем из Шуштара (Иран), с помощью которого были записаны образцы местного диалекта. Материалы Сиуффи вошли в подготовленную им обзорную монографию о культуре мандеев, однако лингвисты вплоть до начала XXI в. о них не знали. Первая попытка лингвистического описания новомандейского диалекта г. Ахваз была предпринята Р. Мацухом в 1965 г. Грамматика Мацуха, в которой данные о Н.-м.я. приводятся в виде заметок, сопровождающих систематическое описание классического мандейского, была воспринята критически многими ведущими арамеистами. В 1989 г. Р. Мацух выпустил хрестоматию текстов на новомандейском диалекте г. Ахваз с грамматическим очерком и глоссарием, а в 1993 г. опубликовал новые тексты, записанные со слов другого информанта из Ахва-

за. Р. Мацух внес значительный вклад в изучение Н.-м.я., однако приводимые им сведения далеко не всегда точны и требуют тщательной проверки. Единственной работой о Н.-м.я., отвечающей критериям современного лингвистического описания, является докторская диссертация Ч. Хэберля (2006), посвященная диалекту г. Хорремшехр.

5.0.0. Лингвистическая характеристика.

5.1.0. Фонологические сведения.

С о г л а с н ы е

По способу образования		По месту образования										
		Лабialsные	Лабiodентальные	Дентальные	Интердентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные	
Шумные	Смычные	Гл.	p	f	t				k	q		
		Зв.	b	v	d				g			
		Эмф.			ʈ							
	Щелевые	Гл.			s	t	ʃ		x		ħ	h
		Зв.			z				ɣ		ʕ	
		Эмф.			ʂ							
Аффрикаты	Гл.					č						
	Зв.					č̣						
Сonorные	Назальные	m		n								
	Латеральные			l								
	Вибранты			r								
	Глайды	w					y					

Фарингалы /ħ/ и /ʕ/ встречаются только в заимствованиях из арабского: *žemiša* ‘всё’ < араб. *žamīš*, *šonša* ‘хорошо’ < араб. *šunš*, *hezām* ‘пояс’ < араб. *hizām*, *hosən* ‘красота’ < араб. *husn*. Глухая альвеолярная аффриката /č/ представлена в заимствованиях из персидского (*čāre* ‘лекарство’ < перс. *čāra*, *gač* ‘гипс’ < перс. *gač*), а также в числительном «девять» и образованных от него числительных (*eččā* ‘девять’, *čīn* ‘девятисто’). Звонкая альвеолярная аффриката /č̣/ встречается в заимствованиях из арабского и персидского: *nažžār* ‘плотник’ < араб. *nažžār*, *možur* ‘как?’ < *ma + перс. *žur* (ср. перс. *če-žur* ‘как?’). Согласно Р. Мацуху, еще три фонемы (/z/, /d/, /ž/) встречаются только в заимствованиях.

В поствокальной позиции смычные /b/, /g/, /k/, /p/, /t/ встречаются в заимствованиях (*amriki* ‘американец’) либо восходят к древним геминатам, подвергшимся упрощению (*zabnu* ‘он продал их’ < *zabben). Кроме того, они представлены в формах, образовавшихся в тот период, когда древняя поствокальная спонантизация уже перестала действовать (*qaben* ‘мы хотим’ < *qa + *ben*).

В о к а л и з м Н.-м.я. включает семь гласных фонем:

i		u
e	ə	o
	a	ā

Долгота фонологически не значима, содержащееся в схеме количественное противопоставление *a* vs. *ā* как правило реализуется в виде качественной оппозиции [a] vs. [ə]. Имеется пять дифтонгических сочетаний (*ei*, *ai*, *au*, *āi*, *āu*). Дифтонг *au*, представленный в классическом мандейском, в открытом слоге стянулся в *o* (*nodā* 'землетрясение' < кл. манд. *nauda*).

Одним из примечательных фонетических процессов, характерных для Н.-м.я., является апокопа конечного гласного у словоформ различных типов в тех случаях, когда словоформа занимает начальную позицию в смысловой группе, образующей интонационное единство (например, субъект — предикат, вершинное имя — зависимое имя и др.). Апокопа конечных гласных — главным образом конечного *ā* — происходит у личных местоимений, стоящих перед глаголом (*anā* 'я' vs. *an hewit* 'я был'), у существительных в атрибутивных конструкциях (*bietā* 'дом' vs. *biet dusti* 'дом друга', *šerrā* 'война' vs. *šer horettā* 'Вторая мировая война'), у существительных, включенных в составной глагол (*zifā* 'ложь' vs. *zif qahvet* 'ты лжешь', букв. 'ложь даешь'), у отыменных наречий перед глаголом (*peršā* 'завтра' vs. *perš qaṭinā* 'я приду завтра').

У д а р е н и е может падать на последний, предпоследний и третий от конца слог. Ударение падает на последний слог, если он закрытый и содержит гласный *ā* (*farwāh* 'спасибо'). Если последний слог этим условиям не удовлетворяет, ударение смещается на предпоследний слог (*qállā* 'она идет', *bāvā* 'отец'); в словоформах, состоящих из более чем двух слогов, ударение смещается на третий от конца слог, если предпоследний слог — открытый (*qaṭélnāxon* 'я убью вас'). В заимствованных словах позиция ударения, как правило, сохраняется там же, где она была в языке-источнике. Так, в большинстве недавних заимствований из персидского ударение падает на последний слог (*komāk* 'помощь', *barābār* 'напротив').

5.1.1. Наиболее распространенные типы слогов — V, VC, CV и CVC. Реже встречаются слоги, включающие консонантные и вокалические кластеры: VCC, CCV, CVCC, CCVC, CVVC и CVVCC.

5.1.2. Сведений о типах чередований в существующих описаниях Н.-м.я. недостаточно.

5.2.0. Морфология.

5.2.1. Н.-м.я. является флективным языком с элементами аналитизма.

5.2.2. У существительных в Н.-м.я. два рода — мужской и женский. Многие имена женского рода имеют грамматический показатель рода — суффикс *-t-*. Женский род имеют существительные, обозначающие существа женского пола (*hātā* 'сестра', *turtā* 'корова'), наименования парных и некоторых непарных частей тела (*borkā* 'колени', *inā* 'глаз', *potmā* 'рот'). Большинство наименований неодушевленных объектов имеет мужской род. Заимствования из арабского обычно того же рода, что и в арабском (*šerrā*_{ж.р.} 'война' < араб. *širra*). Заимствования из персидского, не различающего мужской и женский род, обычно мужского рода (*yād*_{м.р.} 'память' < перс. *yād*, *zobun*_{м.р.} '(нижняя) рубашка' < перс. *zobun*).

С существительными согласуются по роду некоторые атрибутивные прилагательные, копула, личные формы глагола, порядковые числительные. В Н.-м.я. утрачены

различия по роду во множественном числе у многих прилагательных, у независимых личных местоимений, у местоименных энклитик и указательных местоимений. У количественных числительных также нет противопоставления по роду.

В связи с регулярным апокопированием конечного $\bar{a}$ у имен существительных в определенных синтаксических позициях принято различать словарную форму с аугментом $\bar{a}$ и контекстную (апокопированную) форму без расширения (*biet- $\bar{a}$* 'дом' vs. *biet*). Это различие лишь отчасти совпадает с различием эмфатического и сопряженного статусов имени в классическом мандейском. Контекстную форму имеют существительные, являющиеся вершинами атрибутивных конструкций с зависимым именем-существительным (*rab mandeyān- $\bar{a}$* 'глава мандеев') и с зависимым именем-прилагательным (*barnāš₁ horin- $\bar{a}$ ₂* 'другой₂ человек₁'), а также существительные, включенные в составные глаголы (*id mət- $\bar{a}$* 'сдаваться', букв. 'руку поднимать').

У существительных в Н.-м.я. два ч и с л а — единственное и множественное. Показатель множественности *-ān-* присоединяется к основе, отделяя ее от аугмента *- $\bar{a}$* : *tor- $\bar{a}$* 'бык' — мн. ч. *tor-ān- $\bar{a}$* , *kədav- $\bar{a}$* 'книга' — мн. ч. *kədav-ān- $\bar{a}$* . Все существительные женского рода с суффиксом *-t-* в единственном числе и некоторые существительные женского рода без родового показателя в единственном числе образуют формы множественного числа с суффиксом *-(w/y)āt-*: *tur-t-a* 'корова' — мн. ч. *tor-āt- $\bar{a}$* , *biet- $\bar{a}$* 'дом' — мн. ч. *biet-wāt- $\bar{a}$* . Множественное число у заимствованных имен (как арабского, так и персидского происхождения) выражается суффиксом *-hā* (*- $\bar{a}$* после согласных), заимствованным из персидского: *šobbi* (< араб. *šubbi*) 'мандей' — мн. ч. *šobbi-hā*, *darwiš* 'дервиш' (< перс. *darviš*) — мн. ч. *darwiš- $\bar{a}$* .

Значения о п р е д е л е н н о с т и и референтности выражаются как лексически, так и морфологически. Неопределенность или нереперентность могут сообщаться существительному препозитивным числительным *ya* 'один' (*ya kədāv mandāyi* 'мандейская книга_{неопр.}'), постпозитивным энклитическим артиклем *-i*, заимствованным из персидского (*tarmid-i* 'священник_{неопр.}'), а также двумя этими показателями одновременно (*ya tāžer-i* 'купец_{неопр.}'). Прямое дополнение, обозначающее определенный предмет, принимает предлог *el-lālāw-*: *dər₁ el-pərāhan₂ əm₃ bāv₄ hammām₅* 'Он взял₁ деньги_{опр.2} у₃ владельца₄ бани₅'. Ч. Хэберль приводит интересный пример, который демонстрирует, что в семантике *el-lālāw-* на первом плане стоит обозначение контекстной определенности, а не референтности объекта: *mi₁ qāmret₂ bāzi₃ eqder₄ alāw-štān-i₅ u₆ qəpāher₇* 'Что₁? Ты говоришь₂, «Ястреб₃ схватил₄ мальчика₅ и₆ улетел₇»?'. В данном случае референт прямого дополнения отмечен предлогом прямого определенного дополнения как уже известный говорящему предмет, а суффиксом неопределенности — как нереперентный объект.

Большинство атрибутивных прилагательных не согласуются с существительными в роде и числе. Предикативные прилагательные как правило употребляются с копулой, которая имеет показатели рода и числа.

В Н.-м.я. существует два ряда количественных ч и с л и т е л ь н ы х: исконно арамейские и заимствованные из персидского. Предпочтение обычно отдается заимствованным числительным, при этом информанты, как правило, без труда могут воспроизвести исконно арамейские числительные. Порядковые числительные не согласуются по роду с исчисляемым. Количественные числительные ставятся перед исчисляемым, исчисляемое выступает в форме единственного числа (*dah mand* 'десять манд (мера веса)', *ārbin yumā* 'сорок дней'). Порядковые числительные ставятся после исчисляемого (*sebuša kletāyā* 'третья неделя').

Значения времени, вида и модальности в глаголе выражаются морфологическими способами, значения залога — морфологическими и аналитическими.

Видо-временные и модальные формы глагола образованы от трех основ: претерита *gəṭal*, инфекта *gāṭel* и пассивного причастия *gəṭel*.

В образовании предикативных глагольных форм участвуют две препозитивные частицы: 1) *q(a)le/ə*- (< кл. манд. **qa-lqi-*), индикативная частица, присоединяемая к основе активного причастия и к глагольной копуле *həwā*, участвует в образовании форм инфекта активного залога (*qə-gāṭel* 'он убивает/он убьет') и пассивного залога (*gəṭel qe-hāwi* 'его убивают' (прогрессив) / 'он будет убит'); 2) *l(a)*-, частица отрицания, присоединяется к основам претерита (*la-gəṭal* 'он не убил'), инфекта (*la-q-gāṭel* 'он не убивает/он не убьет'), юссива-субъюнктива (*la-gaṭlet* 'не убивай', *la-gāṭel* 'что он не убьет'), глагольной копулы (*gəṭel le-hwā* 'он не был убит', *gəṭel la-q-hāwi* 'он не будет убит', *gəṭel la-hāwi* 'Да не будет он убит!'), к долгой форме копулы (*gəṭel la-xti* 'он не убит', *l-exti šəbir* 'он не хорош').

В образовании предикативных глагольных форм участвуют два вспомогательных глагола: копула и глагол *qam/qom* 'стоять'.

В Н.-м.я. имеется несколько разновидностей копулятивных элементов.

Краткая копула с основой *y-/n-*, участвуя в образовании аналитических пассивных глагольных форм, имеет только формы единственного числа (3-е л. ед. ч. м. р. *-ye*, ж. р. *-i*, 2-е л. ед. ч. *-yāt*, 1-е л. ед. ч. *-nān*). Она же маркирует предикат именного предложения, при этом формы краткой копулы не различаются по роду (3-е л. ед. ч. *-ye*, 2-е л. ед. ч. *-yāt*, 1-е л. ед. ч. *-nān*, 3-е л. мн. ч. *-non*). Краткая копула может присоединяться к вопросительному местоимению (*man-i* 'кто она?').

Долгая копула с основой *ext-* (< кл. манд. **?(i)t*) участвует в образовании аналитических пассивных форм, а также обозначает предикативную связь в именных предложениях.

Глагольная копула *həwā* 'быть' участвует в образовании аналитических пассивных глагольных форм, а также обозначает предикативную связь в именных предложениях.

Глагол *qam/qom* 'стоять' сообщает глагольному предикату инхоативное значение, употребляется с формами инфекта: *darwiša qam-yon qāren* 'Дервиши начали петь'. Глагол *qam* всегда занимает позицию перед смысловым глаголом, может отделяться от него подлежащим.

Важнейшей чертой, отделяющей новомандейский от остальных восточных новоарамейских языков, является сохранение рефлекса общезападносемитского и общеоарамейского суффиксального спряжения (*gəṭal*), которое выражает значение прошедшего времени. Значения настоящего и будущего времени выражаются презенсом *qə-gāṭel*. Модальные значения выражаются формой юссива *gāṭel*, которая тождественна чистой основе инфекта.

Претерит *gəṭal* является главной повествовательной формой: *ezgini₁ ekkaḫ₂ həzin₃ elnahrā₄ šnāš₅ əvadni₆ ekkaḫ₇ šamni₈ ubarrexni₉ bašəden₁₀ ləvašni₁₁* 'Мы отправились₁ туда₂ и увидели₃ реку₄. Там₇ мы искупались₅₋₆, совершили омовения₈ и помолились₉. Потом₁₀ мы оделись₁₁...'.
'

Претерит выражает всю зону значений прошедшего времени:

— сверхотдаленные ситуации (*ani₁ mandeyānā₂ awwal₃ barnāš₄ həwini₅ ke₆ bašqarni₇ elmāre₈ ehdi₉ exti* 'Мы₁, мандеи₂, были₅ первыми₃ людьми₄, которые₆ узнали₇, что Бог₈ — один₉');
'

— длящиеся ситуации в прошлом, одновременные с точкой отсчета в нарративе (*čangā₁ məhon₂ hiṭrā₃ əvadyon₄ enšā₅ u₆ govrā₇* ‘(В тот момент) они играли₂ на арфах₁, все (букв. ‘женщины₅ и₆ мужчины₇) радовались₃₋₄’);

— ситуации, длившиеся в прошлом определенный отрезок времени (*bnili₁ əmriš₂ šettā₃ tum₄ riš₅ šettā₆* ‘Он строил₁ (мост) от начала₂ одного года₃ до₄ начала₅ другого года₆’);

— перфектные значения (*əmalli₁ deštā₂ āhā₃ šuštar₄ qənidā₅ genzā₆ wahl₇ šuštar₈ geš₉ pəvadyon₁₀* ‘Он сказал ему₁: «Эта₃ земля₂, Шуштар₄, сильно₆ трясется₅, и жители₇ Шуштара₈ все₉ бежали₁₀»’).

Претерит также имеет результативное значение: *rəwāhā₁ nehwi₂ mextat₃ eštā₄* ‘Да упокоится₂ она с миром₁! Она сейчас₄ мертва₃’.

Одновременность с моментом речи выражается презенсом (qə-gāṭel): *laqdaxar₁ šonə₂* ‘Я точно₂ не помню₁’; *qabin₁ hezin₂* ‘Я хочу₁ посмотреть₂’. Примеров дейктического презенса известно не так много, что объясняется отсутствием записей диалогов. Некоторые употребления презенса, указывающего на ситуацию, одновременную с моментом речи, могут быть интерпретированы как перформативные: *uqəmbarrex₁ hawen₂ həyānā₃ tum₄ āxir₅ ālmā₆* ‘И я молюсь₁, чтобы мы (мандеи) остались₂ живы₃ до₄ конца₅ времен₆’, *qətaumin₁-ax₂* ‘клянусь₁ тебе₂’. Примеры хабитуального презенса: *moūe₁ ekkā₂ qəhārev₃ žesrā₄* ‘что₁ так₂ (постоянно) разрушает₃ мост₄?’; *ak₁ waxt₂ amrat₃ gāw₄ erāq₅ tarmidā₆ u ganzevrā₇ laqəḥattēn₈ mandāy₉ hənā₁₀ hatta₁₁ žihelā₁₂ qəḥattēn₁₃* ‘Потом₁₋₂ она сказала: «В₄ Ираке₅ священники₆ и старшие священники₇ не говорят₈ на мандейском₉, а здесь₁₀ даже₁₁ дети₁₂ говорят₁₃»’. В одном из повествований информант довольно часто прибегает к «историческому» презенсу, но главной нарративной формой остается претерит: *āṭon₁ qāri₂ u qəḥšielu₃... so₄ ruz₅ qāllen₆ men₇ sobah₈* ‘Они пришли₁ к нему₂, а он их спрашивает₃... через три₄ дня₅ они приходят₆ утром₇₋₈...’. Презенс употребляется также для обозначения длящихся и хабитуальных ситуаций в прошлом: *u men₁ barnešāni₂ ke₃ qəmqarrellan₄ ehdi₅ mā₆ šeršān₇ extan* ‘и некоторые₁ люди₂, которые₃ называли₄ нас одной₅ из этих₆ религий₇...’; *qəḥattēn₁ mandāy₂* ‘Мы говорили₁ на мандейском₂’. Презенсом обозначаются ситуации, следующие за моментом речи: *tum₁ laqhārev₂* ‘Он больше₁ не разрушит₂ его’. Пример употребления презенса с модальным значением: *man₁ qabil₂ qāved₃ qazyān₄ tam₅ qāri₆ šāpnā₇* ‘Кто₁ бы поверил₂₋₃, что казан₄ родит₅₋₆ мальчика₇?’. Как утверждает Ч. Хэберль, частица *q-* в некоторых типичных для употребления презенса контекстах может опускаться, тем самым он отвергает субьюнктивную интерпретацию этих форм: *bānen₁ gāwi₂ geš₃ gāw₄ glālā₅ u gač₆* ‘Они строили₁ (мост) крепким₂, целиком₃ из₄ камня₅ и гипса₆’.

Субьюнктив в независимых клаузах выражает модальные значения: пожелание (*mār₁ əmzahar₂-la₃* ‘Да хранит₂ ее₃ Господь₁!’), когортатив (*ani₁ nešēmti₂ laqatlen₃* ‘Давайте мы₁ не будем никого₂ убивать₃!’). Субьюнктив употребляется в придаточных финитных клаузах, заполняющих предикатную валентность некоторых глаголов (дезидеративных, директивных, глаголов движения), а также в целевых клаузах: *qabin₁ əmer₂ mendī₃* ‘Я хочу₁ кое-что₃ **сказать**₂’; *ezgit₁ ya kədāv₂ mandāy₃ mendī₄ əḥašelnā₅* ‘Я бы пошел₁, чтобы **взять**₅ мандейскую₃ книгу₂ (или еще) что-нибудь₄’.

Пассив выражается аналитической конструкцией, образованной пассивным причастием и копулой (краткой, долгой и глагола *həwā* ‘быть’): *gaṭel-ye* ‘он убит’, *gaṭel exti* ‘его убивают (хабитуалис)’, *gaṭel həwā* ‘он был убит’, *gaṭel qə-hāwi* ‘его убивают

(прогрессив)/он будет убит'. У пассивной конструкции с краткой копулой отсутствуют формы множественного числа. Пассив выражается также неопределенно-личной конструкцией с глаголом во множественном числе: *ḡesri₁ tum₂ evadyon₃* 'Мост был построен вновь' (букв. 'мост₁ вновь₂ построили₃'). Ч. Хэберль отмечает, что именно эта конструкция является наиболее частотной.

У глагола в Н.-м.я. имеются три п о р о д ы: G-порода (морфологически соответствует общеарамейской породе *raʕal*), D-порода (соответствует общеарамейской породе с геминацией *raʕʕel*), K-порода (соответствует общеарамейской породе *ʔarʕel*). Ч. Хэберль выделяет также отдельную Q-породу четырехгласных корней (от англ. *quadriliteral*). Вокалический облик форм Q-породы идентичен формам D-породы, однако, в отличие от форм D-породы, гласный во втором слоге не редуцируется при присоединении вокалических суффиксов: *bašqer* 'он знает', *bašqir-at* 'она знает', *bašqir-et* 'ты знаешь' (ср. *zabben* 'он продал', *zabn-at* 'она продала', *zabn-it* 'ты продал').

T-породы в Н.-м.я. имеют реликтовый характер. Для *tD* известен один пример — ахв. *eštallem* 'быть желанным, быть тепло принятым'; для *tK* известно два примера: *tK etaqlav* 'крутиться', ахв. *etarraq* 'проливаться'. Порода *tG* в диалекте г. Хорремшехр представлена пятью глаголами: *etver* 'разбиться', *epseq* 'вымирать', *ehṭer* 'быть довольным', *ettar* 'проснуться', *eṣṭeva* 'проходить обряд ритуального очищения'. В виду недостатка данных невозможно дать обобщенную картину значений пород с инфигированным *-t-*.

Согласно Р. Мацуху, в Н.-м.я. г. Ахваз древние личные м е с т о и м е н и я 3-го лица утрачены, вместо них используются указательные местоимения: *hāx* (или *ā*) 'он/она', *hannox* 'они (м. р.)', *hannex* 'они (ж. р.)'. Также известна единая форма множественного числа для обоих родов *hannī*. В диалекте г. Хорремшехр используются следующие личные местоимения 3-го лица: *huwilhuw* 'он', *hidālhid* 'она', *honni* 'они' (м. р. и ж. р.).

Самостоятельные формы личных местоимений
(диалект г. Хорремшехр)

		Ед. число	Мн. число
1-е л.		<i>anā/an</i>	<i>anī/an</i>
2-е л.	м. р.	<i>āt</i>	<i>atton</i>
	ж. р.		
3-е л.	м. р.	<i>huwilhuw</i>	<i>honni</i>
	ж. р.	<i>hidālhid</i>	

В Н.-м.я. имеются особые предикативные формы у местоимений 3-го лица: ед. ч. м. р. *-ue*, ж. р. *-tī* (согласно Мацуху, спорадическое употребление этих форм отмечается уже в классических памятниках, где они записываются в виде *-ia* и *-tia* соответственно).

Формы энклитических личных местоимений в целом восходят к местоименным энклитикам классического мандейского, оппозиция по роду во множественном числе у них утрачена.

Притяжательные местоименные энклитики

		Ед. число	Мн. число
1-е л.		-e	-an
2-е л.	м. р.	-ax	-xon
	ж. р.	-ex	
3-е л.	м. р.	-i	-u
	ж. р.	-a	

Местоименные энклитики обозначают прямой или косвенный объект при переходном глаголе, присоединяются к предлогам, выступают как притяжательные местоимения при существительных. В отличие от классического мандейского, где употребление особых форм мужского и женского рода у энклитик 3-го лица (-iḥ vs. -a) факультативно, в Н.-м.я. употребление -a для женского рода регулярно. Употребление древних притяжательных энклитик ограничивается лексемами, относящимися к исконному словарному фонду (*kadāb-e* ‘моя книга’, *emmo-xon* ‘ваша мать’). Заимствованные лексемы присоединяют особые формы энклитик с элементом -d-: *kef-d-ex* ‘твое наслаждение’.

В Н.-м.я. система указательных местоимений претерпела два важных изменения по сравнению с классическим мандейским: утрачено противопоставление ближнего и дальнего дейксиса во множественном числе, а также противопоставление по роду во множественном числе (кл. манд. *axnī* ‘эти’ приняло на себя функцию и ближнего, и дальнего дейксиса без различения рода). Указательные местоимения ближнего дейксиса имеют вид *āhalā* ‘этот, эта’, *ahni* ‘эти’ (для обоих родов), дальнего дейксиса — *axulax* ‘тот, та’, *ahni* ‘те’ (для обоих родов).

Возвратное местоимение образовано от основы существительного *nafšā* ‘душа, личность’, которое присоединяет местоименные энклитики. Как правило, возвратное местоимение используется как прямое дополнение при переходном глаголе: *bašqir₁ el nafšax₂* ‘познай₁ себя₂’.

Вопросительные местоимения имеют вид: *tan* ‘кто?’, *tu/mo-* ‘что?’, *het* ‘который?’. Вопросительные местоимения могут присоединять энклитическую копулу: *mo-yue habtelli* ‘Что ты дал ему?’.

Большинство междометий заимствованы из арабского (междометие удивления *wellā* < араб. *willa*, *wāy* ‘увы, ой’ < араб. *way*). Междометие *yā* (< араб. *yā*) используется как вокативная частица.

5.2.3. Имеющийся лексический материал пока не позволяет делать выводы о специфически новомандейских (по сравнению с классическим мандейским) способах словообразования.

5.3.0. Синтаксис.

5.3.1. В именных предложениях преобладает порядок слов SP. Именные предложения, как правило, включают копулу (либо энклитическую, маркирующую предикат, либо независимую, выражающую предикативную связь в именном предложении). Предикатом в именном предложении могут быть существительное, прилагательное, числительное, пассивное причастие, наречие или наречная группа с локативным значением: *ani₁ mandeyānā₂ awwal₃ barnāš₄ hawini₅ ke₆ bašqarni₇ elmāre₈ ehdi₉ exti* ‘Мы₁, мандей₂, были₅ первыми₃ людьми₄, которые₆ узнали₇, что Бог₈ — один₉’; *ani₁ l₂-extan zardošti₃* ‘Мы₁ — не₂ зороастрийцы₃’, *anā₁ genz₂ hater_{пасс. прич. 3-nān}* ‘Я₁ очень₂ рад₃’; *ahni₁ barra₂ am-belāt_{3-non}* ‘Они₁ — за пределами₂ города₃’. В небольшом корпусе

текстов Ч. Хэберля имеется несколько примеров именных предложений без копулы, которые демонстрируют, что копула довольно часто опускается во второй части сложносочиненного предложения: *šabūt₁ qamrille₂ ammā₃ ešmi₄ yusef₅* ‘Его звали₂ Шабут₁, но₃ имя₄ его было Йосеф₅’; *w-ādam₁ govra₂ qadmāyi₃ bāv₄ kol₅ barnešāna₆* ‘А Адам₁, Первый₃ Человек₂, был отцом₄ всех₅ людей₆’; *u₁ mendi₂ l₃-ekka₄* ‘И там ничего не осталось (букв. ‘и₁ ничего₂ не₃-там₄’)’.

В корпусе текстов диалекта г. Хорремшехр имеется единственный пример экзистенциального бессубъектного предложения, в котором вершиной является наречие *ekkā* ‘там’: *gāw₁ šuštar₂ ekkā₃ šehyāni₄* ‘В₁ Шуштаре₂ есть₃ правитель₄’. Вершиной посесивного предложения является краткая копула *eh-l-*, которая, возможно, этимологически связана с предикативным словом *ʕ(it)* ‘есть, имеется’ в классическом мандейском: *ʕelam₁ ehlu₂ qāhāzen₃ diwā₄ u ševiāhā₅* ‘У них есть₂ знание₁ (позволяющее) видеть₃ демонов₄ и архонтов₅’. Если речь идет о наличии объекта в прошлом, употребляется глагольная копула: *hwālan₁ ganzevrā₂ gāw₃ moḥamrā₄* ‘Был у нас₁ ганзевра (старший священник)₂ в₃ Мохаммере₄’.

Порядок слов в глагольном предложении SVO: *obrā₁ āxel₂ geš₃ ḥadidānā₄* ‘Мыши₁ съедают₂ все₃ железа₄’; *mandeyānā₁ geš₂ p̄radyon₃* ‘Все₂ мандеи₁ спаслись бегством₃’.

Как и в классическом мандейском, топикализация второстепенных членов предложения осуществляется путем вынесения их в качестве темы на первое место в предложении в сочетании с употреблением анафорических местоимений: *ani₁ mandeyānā₂ gāw₃ hemanuṭ-an₄ šeršan₅ mawwal₆ ālm₇ hawat₈* ‘**Что касается нас₁, мандеев₂, то, согласно₃ нашей** вере₄, наша религия₅ существует₈ от начала₆ мира₇’.

Общевопросительные предложения имеют тот же порядок слов, что и декларативные предложения, вопросительность им сообщается интонацией: *āt qallet* ‘Ты идешь?’. Частновопросительные предложения оформляются вопросительными местоимениями и наречиями, которые занимают начальную позицию в предложении: *tu qāmret* ‘Что ты говоришь?’; *elli ezgā* ‘Куда он ушел?’.

5.3.2. О т н о с и т е л ь н ы е придаточные в диалекте г. Ахваз вводятся относительным местоимением *ke*. В диалекте г. Хорремшехр проводится различие между двумя видами относительных придаточных: нерестриктивные относительные придаточные вводятся относительным местоимением *elli*, а рестриктивные (ограничительные) относительные придаточные вводятся относительным местоимением *ke*: *qabin₁ amer₂ genz₃ farwāh₄ profesar₅ bokli₆ elli₇ genz₈ avad₉ avdat₁₀ qam₁₁ mandeyānā₁₂* ‘Я хочу₁ выразить₂ большую₃ благодарность₄ профессору₅ Бакли₆, который₇ сделал₉₋₁₀ так много₈ для₁₁ мандеев₁₂!’; *aṭton₁ barnešānā₂ ke₃ ševixānā₄ kavšellu₅* ‘Приведите₁ людей₂, **которые₃** подчинят₅ демонов₄’.

Придаточные дополнительные регулярно вводятся бессоюзно: *anā₁ genz₂ haṭer₃-nān qāhezinxon₄* ‘Я₁ очень₂ рад₃, что вижу вас₄’.

Целевая клауза не всегда оформляется как придаточное предложение. В частности, целевая клауза может выступать вторым членом глагольной серии: *aṭon₁прет. qāvin₂ avadyon₃прет. m-aḥwāz₄ qam₅ yeki₆ ešmi₇ yusef₈* ‘Они приехали₁ из Ахваза₄ чтобы поженить₂₋₃ одного человека₆ по имени₇ Юсеф₈’. Она может быть оформлена как обстоятельственный оборот: *eṭiton₁прет. am₂ kol₃ dokkān₄ ālmā₅ maḥadṭetton₆бинфект. qam hayoṭ₇ mandeyānā₈* ‘Они приехали₁ со₂ всех₃ концов₄ мира₅, чтобы обсудить₆ жизнь₇ мандеев₈’. Регулярным способом оформления придаточного цели является бессоюзно присоединяемая к главному предложению клауза с субъюнктивом: *qallen₁ amzabnen₂ qalawwu₃* ‘Мы ходили₁, чтобы продавать₂ им₃’.

В протасисе предложений реального условия употребляются формы индикатива, а также копула, а в аподосисе — формы индикатива или императива: *agar₁ pērāhā₂ ehle₃ turti₄ qəzavennā₅* ‘Если₁ у меня будут₃ деньги₂, я куплю₅ корову₄’; *anā₁ agar₂ gənit₃ āt₄ guš₅ əvud₆* ‘Если₂ я₁ засну₃, ты₄ держи₆ ухо₅ востро₆’ (букв. ‘ухо делай’). В гипотетических условных предложениях если предположение высказывается о прошлом, в протасисе употребляется субъюнктив, в аподосисе — индикатив: *an₁ agar₂ gāw₃ ā₄ aqel₅ həwinā₆ ezgit₇ ya₈ kədāv₉ mandāyi₁₀ mendi₁₁ əmḥašelnā₁₂* ‘Если₂ бы я₁ (тогда) знал₅₋₆ это₃₋₄, я бы пошел₇ и взял₁₂ какую-нибудь₈ мандейскую₁₀ книгу₉ или что-нибудь₁₁’. Если высказывается предположение о настоящем, то в протасисе используется индикатив, а в аподосисе — субъюнктив: *agar₁ qəmallef₂ miēt₃* ‘Если₁ бы я научил₂ этому, я бы умер₃’. Предложения нереального условия, противоречащего настоящему состоянию дел, имеют индикатив и в протасисе, и в аподосисе: *agar₁ an₂ lehwit₃ lattat₄ elyanqā₅* ‘Если₁ бы меня₂ не было₃ (там), она не родила₄ бы ребенка₅’.

5.4.0. В глоссарии к новомандейской хрестоматии Р. Мацуха (1051 лексема, не все заимствования атрибутированы) насчитывается 21,2% персидских заимствований и 5,4% арабизмов. При оценке этих данных следует учитывать, что информант Р. Мацуха был священником, и это может объяснять низкий процент арабизмов в его речи. Небольшой глоссарий Ч. Хэберля (436 лексем) демонстрирует несколько иное соотношение: персидских заимствований в нем 26,1%, а арабизмов — 15,1%. С учетом всех особенностей этих глоссариев можно считать, что исконно арамейские лексемы составляют не менее 50–60% лексикона Н.-м.я.

Расширенный лексический список Сводеша в 207 лексем, который приводит Ч. Хэберль для Н.-м.я., в какой-то степени репрезентативен для базового словаря. Из этого списка видно, что около 85% базового словарного запаса Н.-м.я. составляют исконно арамейские лексемы. Заимствования представлены в списке 13 арабизмами, 10 заимствованиями из персидского языка и тремя европеизмами.

Влияние иранских языков проявляется во все периоды развития мандейского языка. Для Н.-м.я. характерно значительное влияние персидского — как лексическое, так и структурное. Согласно глоссариям Р. Мацуха и Ч. Хэберля, лексические заимствования из персидского составляют около 20–25% словаря. Весьма значительную долю глагольной лексики Н.-м.я. составляют перифрастические глаголы, полностью или частично калькированные с персидского, например: *əvādā əvad* ‘делать’ (= перс. *kār kardan*), *hāzer tāmmā* ‘появляться’ (= перс. *hāzer šodan*), *šayaḥ məhā* ‘кричать’ (= перс. *šayḥe zadan*). В Н.-м.я. отмечается образование сравнительной степени прилагательных с помощью суффикса *-tar*, заимствованного из персидского (*rab-tar* ‘большой’). Как и в персидском, вершинное имя одинаково оформлено как при субстантивном, так и при адъективном определении, представляя собой форму имени без аугмента *-ā*: *bāv ḥammām* ‘владелец бани’, *barnāš₁ horin-ā₂* ‘другой₂ человек₁’. В атрибутивной именной конструкции вершинное имя в некоторых случаях может маркироваться морфемой *-e*, заимствованной из персидского, где таким же образом маркируется вершинное имя в изафетной конструкции (эта черта гораздо сильнее выражена в диалекте г. Ахваз).

Мандейский язык на протяжении более тысячи лет находится в тесном контакте с арабским языком. Заимствованная из арабского лексика составляет 5–15% словаря, однако процент арабизмов в базовом лексиконе выше, чем процент персидских заимствований (при подсчете по расширенному списку Сводеша в 207 лексем — 13 арабизмов при 10 словах персидского происхождения), что, по-видимому, указывает на

большую древность арабского влияния по сравнению с новоперсидским. Некоторые исконно арамейские лексемы приобрели новые значения под влиянием арабского: *šat* 'пить; курить' (ср. кл. манд. ŠTA 'пить' и араб. *šariba* 'пить; курить').

Заимствованные имена существительные морфологически маркированы особыми показателями множественного числа, а также характерным для них способом присоединения местоименных притяжательных энклитик.

6.0.0. В настоящее время принято выделять два диалекта Н.-м.я.: диалект г. Ахваз и диалект г. Хорремшехр в провинции Хузестан (Иран). Общины мандеев в этих городах сформировались в конце XIX в., когда в результате религиозных преследований мандеи были вынуждены переселиться сюда из старых центров бытования Н.-м.я. на севере пров. Хузестан (ранее — Арабиستان) — гг. Шах-Вали, Шуштар и Дизфуль. Согласно Ч. Хэберлю, жители Шах-Вали переселились преимущественно в г. Ахваз, а жители Дизфуля и Шуштара — в г. Хорремшехр. Систематическое сравнение двух диалектов в данный момент едва ли достижимо в связи с тем, что сейчас имеется гораздо больше текстового материала для диалекта г. Ахваз, чем для диалекта г. Хорремшехр. Тем не менее в работе Ч. Хэберля высказаны предварительные наблюдения о различиях между двумя диалектами.

— В диалекте Ахваза *au стягивается в *u* в открытом ударном слоге: ахв. *gu* 'в' vs. хор. *gāw*.

— В диалекте Хорремшехра финитные формы глаголов женского рода множественного числа утрачены, в то время как в диалекте Ахваза они сохраняются.

— Различаются союзы, вводящие нерестриктивные относительные придаточные: хор. *elli* 'который' (< диал. араб. *illi*) vs. ахв. *ke* (< перс. *ke*).

— Различаются предлоги со значением «с»: ахв. *mork* vs. хор. *orke* (пост.-кл. манд. *šurkia*).

Имеются сведения о том, что язык более привилегированной прослойки мандеев, так называемых священников (*tarmidānā*), отличается от языка «мирян». Так, Р. Мацух приводит пример употребления слова *paršōfa* 'лицо' в речи священников и противопоставляет его просторечному *kankūza*. Из краткого сравнения лексики трех информантов, сделанного Ч. Хэберлем, следует, что Нассер Собби (Хорремшехр) и Нассер Сабури (Ахваз), не принадлежащие к касте священников, употребляют числительное «три» в форме *klātā*, а Салем Чохейли, член семьи священника из Ахваза, употребляет архаичную форму *tlātā*. У тех же двух информантов императив глагола 'приходить' во множественном числе имеет вид *doṭon*, а в речи Салема Чохейли — *diyōton*. Необходимо отметить, что некоторые из этих данных могут быть интерпретированы как географические (диалектные) различия, а не как специфические черты социолектов.

ЛИТЕРАТУРА

Häberl Ch. The Neo-Mandaic Dialect of Khorramshahr. Harvard University, Cambridge (Mass.), 2006 [неопубликованная диссертация].

Macuch R. Handbook of Classical and Modern Mandaic. Berlin, 1965.

Macuch R. Neumandäische Chrestomathie. Wiesbaden, 1989.

Macuch R. Neumandäische Texte im Dialekt von Ahwaz. Unter Mitwirkung von Guido Dankwarth. Wiesbaden, 1993.

de Morgan J. Mission scientifique en Perse. T. V (études linguistiques). Deuxième partie. Textes mandaïtes. Paris, 1904.

Siouffi M.N. Etudes sur la religion des Soubbas ou Sabéens, leurs dogmes, leurs moeurs. Paris, 1880.